

Прошло всего две недели, а мне уже почти все время хотелось умереть. Мышцы, о существовании которых я даже не подозревал, тянули и кричали без предупреждения. Без эндорфинов я бы уже покончил с жизнью.

От бездонной тупости детей мне хотелось их зарезать, но я не мог. Я мог бы отделаться изоляцией, но активная злоба вызвала бы всевозможные ненужные тревоги, причем не у тех людей.

Я не сомневался, что за каждым студентом академии следят как за ястребом, ведь учить чему-то будущих предателей или психопатов непродуктивно.

Поскольку я не был Саске Учихой и не мог рассчитывать на акт быстрой мести в виде Итачи, устроившего переполох, если со мной случится что-то неладное, мне приходилось вести себя как можно лучше.

Ну, не будут же они учить будущих независимых психов. В конце концов, вряд ли можно считать здравомыслящим человека в обществе, которое с гордостью плодит детей-солдат.

Я ничего не имел против солдат, в конце концов, люди это всего лишь чрезвычайно эффективные звери, и хорошо, что у нас есть часть населения, которая занимается тем, что держит друг друга в узде.

Каждое утро я просыпался в пять, брал на кухне кое-какие вещи и начинал бегать. Сначала я перелезал через забор, отделявший двор приюта, потом бежал в парке на другой стороне дороги.

Я бежал без остановки больше получаса, пока ноги не начали подкашиваться. Я потянулся и попил воды из фонтанчика. Несколько отжиманий, затем я добрался до одной из странных конструкций из труб (видимо, чтобы научить детей лазать), засунул туда ноги и начал работать над мышцами живота.

Когда нагрузка стала слишком большой, я оставил ее и, выпив еще немного, начал ходить на руках. Равновесие было достаточно хорошим, даже если вначале я сильно шатался.

Я мог бы использовать чакру, чтобы увеличить свою силу, но не собирался этого делать. По двум причинам.

Во-первых, чакра усиливает способности того, что уже есть, так что чем сильнее тело, тем сильнее будет сила, полученная за счет того, что чакра течет в моих витках. Что ж, это было не совсем верно.

С той первой ночи, когда я обнаружил свою чакру, я всегда осознавал ее, как теплую тяжесть на животе, и она всегда текла в моих витках. Но ее присутствие было пассивным, как растянутая мышца, если я не желал этого, она не укрепляла меня.

По окончании упражнений я часто делал растяжку. Я жалел, что нет реки с водой температурой 22 градуса, в которой можно было бы поплавать, чтобы смыть с себя следы тренировки мышц, которые иначе трудно привести в порядок.

Я останавливался только тогда, когда руки дрожали слишком сильно, чтобы продолжать бегать по парку.

Во-вторых, мне очень не нравилась идея оставаться бесхарактерным, это было не для меня.

Кроме того, сильная мускулатура в моем препубертатном теле поможет мне стать взрослым, похожим на Могучего Гуя.

Покончив с этим, я вернулся в приют и залез сначала в ванную, а потом в умывальник, где уже умывались ранние воспитанники.

Я плотно позавтракал и полчаса медитировал в своей комнате, намереваясь лучше осознать свою текучую чакру. Это было похоже на то, как если бы бассейн с теплой водой превратился в шарообразный пузырь.

Напрягая метафизические мышцы, я заставлял ее вращаться то в одну, то в другую сторону, следуя за небольшими потоками, проходящими через мои витки. Я не особо беспокоился о том, что могу причинить себе вред, в конце концов, чакра была частью меня, как и сердце с легкими.

Так что убить себя, ощущая чакру, было невозможно. Это было бы все равно что умереть из-за того, что я слишком долго задерживал дыхание, невозможно. Человеческое тело мутировало, чтобы приспособить его к чакре, но в конечном итоге это была жизненная энергия.

Я посещал занятия в академии, по мере сил справляясь с практическими аспектами, которые на данный момент представляли собой простые полосы препятствий, но при этом был не слишком успешен в учебе. Мне все еще было трудно жонглировать кандзи.

Это приносило с собой другой образ мышления, и поэтому было трудно уследить за некоторыми деталями. За обедом я ел один, не то чтобы кто-то хотел поиграть в съешь слизняка, и я был благодарен, громкие дети быстро надоедали.

Даже несмотря на мою дополнительную подготовку, а может, и благодаря ей, полоса препятствий оказалась более сложной, чем я ожидал. Моя политика нет чакре во время тренировки сохранялась, но учителя, конечно, не упоминали о том, чтобы использовать ее.

Я думал, что нас будут учить чакре после того, как из Академии отсеется достаточное количество учеников, и в этом был смысл, я бы не хотел тратить ресурсы на обучение этому будущему гражданскому. Пока же это были история и математика.

Уроки закончились в 17:00, и я, прикрутившись, вернулся в приют и около часа помогал воспитательницам, а моя продолжала учить меня писать и читать кандзи, всегда более сложные.

Время от времени она даже учила меня стихам. В основном это были упражнения на память, но от изящества, которое можно было выразить с помощью кандзи, захватывало дух.

Учительницу звали Чихиро, что означало тысяча вопросов, и хотя задавала их я, она была добра и терпелива, отвечая на все. Она была ноткой невинности в мрачной песне народов шиноби.

После ужина я несколько часов медитировал и выполнял печально известное упражнение с листом. Я все еще выполнял его только одной рукой, но я следил за временем, и у меня получалось все лучше.

Я понял, что такое контроль чакры - не тратить ее впустую. Чакра текла по виткам и вытекала из тенкецу, задача состояла в том, чтобы выпускать ее только из тех тенкецу, которые мне были нужны, да и то только в том количестве, которое необходимо для выполнения задания, ни

капли больше.

После этого оставалась проблема поддержания равномерного потока. Это была тяжелая работа.

Я понятия не имел о том, как увеличить емкость своей чакры. Напрашивалось предположение, что она ведет себя как мышца, то есть чем больше ее используешь (с соответствующим отдыхом), тем больше она растет.

Но работать над предположениями было рискованно, поэтому я решил дождаться, пока преподаватели академии вникнут в тему.

Рутинка убаюкивала, и я понимал, что мир, в котором я оказался, это более взрослая версия Нарутоверса, представленная в манге и аниме. С этим можно было смириться, но у меня была одна проблема...

Йондайме еще не умер. Это означало, что Кьюби еще предстоит напасть.

Я не питал иллюзий, я не мог предотвратить это, если не хотел оставаться незамеченным. Моя безопасность и благополучие были важнее, чем безопасность и благополучие других вымышленных персонажей, из которых состоял этот мир. Черт, моя жизнь была выше сюжета, так что к черту все.

<http://tl.rulate.ru/book/109951/4609114>